



Михаил Цветков

Цена

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТИШИНЫ.

18+

Михаил Цветков

Цена тишины. Книга 1

«Автор»

2026

Цветков М.

Цена тишины. Книга 1 / М. Цветков — «Автор», 2026

Он — самый молодой адвокат в городе, специализирующийся на «грязных» делах. Она — художница, которая рисует обнаженной, чтобы забыть о клинической депрессии. Их связывает одна ночь пять лет назад и один труп, закопанный в лесу. Когда прошлое выползает наружу, они понимают: единственный способ выжить — уничтожить друг друга.

© Цветков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Цветков

Цена тишины. Книга 1

Глава

Глава 1. Там, где гниет сахар

Дождь в этом городе пахнет не озоном, а прелыми деньгами. Марк Райдер знал это, когда парковал свой «Porsche Tausan» у бордюра, где бомжи дрались за окурки. Он поправил галстук «Hermès», вышел под ливень и даже не застегнул пиджак — пусть видят шрамы на рубашке.

В баре «Кипарис» пахло жженым миндалем и страхом. Именно сюда стекались те, кому нужен был адвокат, умеющий делать свидетелей глухонемыми, а улики — случайностью.

Она сидела в дальнем углу, в кожаном кресле, которое помнило задницы пяти мэров. Её звали Лика. Пять лет назад она была просто красивой девушкой с мольбертом. Сейчас — женщиной с мертвыми глазами и пульсом, который можно было прощупать только на шее, под цепочкой с бриллиантом в три карата.

— Ты не звонил, — сказала она, не поднимая головы. На столе перед ней стоял стакан с виски и блюдо с недоеденным эклером. Сахар таял в креме, как алиби в показаниях.

— Ты не просила, — Марк сел напротив. Сделал знак официанту: двойной бурбон, без льда. — Лика, я не веду бракоразводные процессы. Это ниже моего почасового тарифа.

Она медленно подняла взгляд. В её зрачках плавало что-то мутное, как пелена на трупном глазу.

— Дело не в разводе, Марк. Помнишь ту ночь в Брайтоне? После твоей защиты «крестного»?

Марк помнил. Он помнил каждую секунду. Как они жгли документы в камине, как она рисовала его портрет углем, как он трахал её на полу из красного дуба, пока за окном вырезали семью свидетеля обвинения. Как утром они вместе закопали чемодан с деньгами и тело. Не его. Не её. Чужое тело, которое стало их общей тайной.

— Говори суть, — голос Марка сел до шепота. В баре резко стало тихо. Плеск дождя — единственный звук.

— Он вернулся, — Лика вытащила из декольте мятую фотографию. На снимке: Марк, Лика и третий. Парень с лицом манекена и родимым пятном на скуле, похожим на прожженную дыру. — Тот, кого мы считали мертвым. Тот, кто подписал себе приговор, когда увидел нас.

Марк взял фото. Края были рваными — она оторвала его от чего-то большего. С обратной стороны алым, похожим на сухую кровь, было выведено: «Привет, детки. Я видел, как вы целовались над его могилой. Час расплаты — завтра, 22:00. Старый док».

— Этого не может быть, — Марк почувствовал, как лопнула вена на виске. — Я лично ломал ему пальцы, пока он не перестал дышать.

— Значит, ты сломал пальцы чужому, — Лика допила виски одним глотком, отчего её кадык дернулся, как у мальчика. — А настоящий — жив. И у него есть копия той видеозаписи. Где ты всаживаешь нож в в общем, всё, что мы похоронили.

Она положила на стол ключ от абонентского ящика в аэропорту. Марк узнал гравировку — это был их старый тайник.

— Там билеты до Венесуэлы и новые паспорта, — прошептала она. — Или мы бежим сейчас, или завтра в десять вечера он придет за нами. Но есть нюанс. — Я ненавижу нюансы,

— Марк сжал бокал так, что лопнул хрусталь. Осколки впились в ладонь, но он не вздрогнул. Кровь потекла по часам «Patek Philippe», заливая секундную стрелку.

Лика наклонилась через стол, так низко, что Марк увидел синеву её вен на груди.

— Нюанс в том, Марк, что я не хочу бежать. Я хочу, чтобы ты убил его. По-настоящему, на этот раз. Медленно. И с камерой. Потому что он украл у меня право не вздрагивать по ночам.

Она положила его ладонь себе на колено. Под юбкой, выше чулок, была кобура с «Glock 19».

— И вот ещё что, — голос Лики стал вязким, как тот самый эклерный крем. — Если ты откажешься, я расскажу полиции всё. Про чемодан. Про ту ночь. Про то, как ты насильвовал меня после того, как кончил. Только правду. Проверить не буду.

Марк посмотрел на их отражение в зеркальной стене: два хищника, попавших в одну клетку. Один с кровью на руке, вторая — с пистолетом под юбкой. Идеальная пара для убийства.

За окном дождь сменился градом. Ледяные крупы били в стекло с ритмом, похожим на азбуку Морзе: «Т-Р-У-П».

— Завтра в десять, — выдохнул Марк, забирая ключ. — Я приведу своего человека. Но пеняй на себя, Лика. Я не целую девушек, которые пахнут могилой.

Она улыбнулась. Улыбка была кривой — когда-то давно он сломал ей челюсть в приступе страсти. Срослось неправильно. Теперь эта улыбка пугала даже бармена, который видел и наркобаронов, и ментов с погонами в алмазах.

— А я, Марк, не сплю с мужчинами, у которых совесть ещё теплится в штанах.

Встала, оставив на столе отпечаток попы — в помаде цвета «мертвый коралл». И вышла под град, не закрывая лица.

Марк остался сидеть. Он знал, что через минуту зажжет сигару, выпьет третий бурбон и поедет не домой, а в оружейный магазин. И что ровно через двадцать три часа он будет стоять над могилой, которую они вырыли пять лет назад, и решать — кого закапывать теперь.

Но он не знал главного: видекамера, о которой говорил «Старый док», давно потеряла значение. Потому что правда была страшнее. На той плёнке, которую смотрела Лика вчера в четыре утра, было не убийство. Было её собственное рождение — сцена из кесарева сечения, где она, младенец, кричит синими губами. А принимает роды человек без лица. Тот, кого они считали трупом.

Глава 2. Там, где плачут пистолеты

Оружейный магазин «Седьмая пуля» работал круглосуточно. Хозяин — карлик по кличке Циркуль — торговал смертью с улыбкой стоматолога-садиста. Он не брал кредитки, только кэш или услуги. Марк расплатился двумя золотыми монетами XIX века — последним, что осталось от отца.

— Для тебя, Маркус, особый товар, — Циркуль выкатил на витрину револьвер в слоновой кости. — «Кольт Паттерсон» 1836 года. Переделан под унитарный патрон. Бесшумен, как мышь в вагине монашки.

— Не поэт, а дерьмище, — Марк взял оружие, провернул барабан. На каждом патроне была выгравирована буква «L». Лика. Он усмехнулся криво. — Беру. Ещё глушитель для «Глока» и два ножа. Керамика, чтоб металлодетектор не пищал.

Циркуль, ковыляя, принес заказ. Упаковал в коробку из-под кубинских сигар. На прощание шепнул:

— Слышал, Старый Док вернулся. Ты бы не связывался, Маркус. Он лечит неизлечимых. От жизни.

— Все мы неизлечимы, — бросил Марк, вышел под град, который уже превратился в мокрый снег.

Машина завелась с полуоборота. Марк не поехал домой. Он рванул в Брайтон — к тому лесу, где пять лет назад они с Ликой закопали чемодан. И тело. И свои души.

Два часа спустя. Лес на окраине.

Лопата вгрызалась в землю с чавканьем. Марк копал в одном костюме «Brioni» за шесть тысяч, не боясь испортить. Грязь давно не имела значения. Он знал: то, что он ищет, всё ещё здесь. Чемодан. В нём — не деньги, а плёнка. Вторая копия. Которую Лика не видела.

Металл лязгнул о кожух. Марк вытащил чемодан, сбил замок ударом каблука. Внутри — зелёные пачки по сто долларов. И среди них — конверт. Внутри — флешка с видеофайлом. Название: «Лика. Первый крик».

Он воткнул флешку в планшет, который прихватил из машины. Экран засветился. Изображение дрожало, цвета съехали в сепию. Операционная. Кровь, зеркала, пинцеты. И женщина, растянутая на столе. Её лицо было залито анестетиками, но Марк узнал бы эту челюсть везде — мать Лики, которую три года назад сбил грузовик. Случайно? Вряд ли.

Акушер в хирургических перчатках, без лица — камера всегда снимала его со спины или в профиль, смазанно. Но родимое пятно на скуле Марк разглядел. То самое. Парень с фотографии. Старый Док. Он принимал роды. Одной рукой держал головку младенца, другой — скальпель. И улыбался. Зубы — идеальные, голливудские, но от этого только страшнее.

Ребёнок выскользнул. Заплакал. На пуповине болталась бирка: «Лика. Вес 3200. Группа крови — отрицательная. Отец — неизвестен».

А потом Старый Док повернулся к камере, наконец, анфас. Марк выключил планшет. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты смотришь порно на кладбище? — раздался голос за спиной.

Марк обернулся. Лика стояла в пяти метрах, под зонтом, который не спасал от снега. На ней было белое пальто — как саван. В руке — тот самый «Glock 19» из-под юбки.

— Откуда ты — начал Марк.

— Я всегда следую за тобой, когда ты не моешь посуду, — она подошла ближе. Ствол смотрел точно в переносицу. — Покажи, что там, Марк. Или я выстрелю. Адвокат — не пуленепробиваемый.

Он кинул планшет ей под ноги. Лика, не опуская оружия, придавила экран каблуком. Глянула. Лицо её не изменилось — ни следа удивления, ни ужаса. Только веки дрогнули.

— Ты знала, — сказал Марк. — Ты всегда знала, что Старый Док — твой отец.

— Мой создатель, — поправила Лика, и ствол слегка качнулся. — Разница есть. Тот, кто тебя родил, не обязан быть папой. А тот, кто вырастил иногда его надо убить, чтобы повзрослеть.

Марк медленно поднял руки, показывая, что безоружен. Два ножа лежали в багажнике, «Кольт» — в кобуре под мышкой. Он не успел бы выхватить.

— Зачем ты втянула меня в это пять лет назад? — спросил он. Голос был ровным, как столешница в морге.

— Потому что ты умеешь делать две вещи, — Лика наконец опустила пистолет. — Хорошо трахаться и хорошо заметать следы. А мне нужно было убить человека, чтобы освободиться от другого. Того, кто на этой плёнке. Он держал меня в подвале с шести до шестнадцати. Лечил. Уколами. Словами. Своим членом, когда мне было двенадцать.

Тишина в лесу стала абсолютной. Даже снег перестал падать.

— Ты закопала не его, — Марк сделал шаг вперёд. — Ты закопала какого-то бродягу, которого мы переделали. А настоящий — он всё это время был рядом.

— Он был во мне, — Лика коснулась пальцами своего живота, там, где под пальто скрывался рубец от кесарева. — Он сделал так, что я родила собственного брата. От него. Мертвого. И тогда я поняла — нужен кто-то, кто сможет убивать без содрогания. Ты, Марк. Ты же адвокат дьявола. А дьявол всегда выигрывает.

Марк замер. Он вдруг осознал, что больше не хочет её убивать. И не хочет защищать. Он хочет одного — понять, где заканчивается жертва и начинается чудовище.

— И что теперь? — спросил он. — Завтра в десять вечера — что там?

— Не завтра, — Лика вытащила из кармана пальто мятую записку. — Я соврала про время. Он придёт через час. Сюда. К этой могиле. Потому что я позвала его.

Из-за деревьев послышался треск веток. Кто-то шёл. Тяжело, с хрипом, переставляя ноги, как робот с поломанными сервоприводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.